

О ЗАВИСИМОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРИЧАСТИЙ ОТ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТА

Установлено, что причастия в романах и мемуарах в основном модифицируют свои лексико-грамматические характеристики, в интервью же реализуется стандартное лексико-грамматическое содержание.

This article is devoted to realization of lexical and grammatical content of participles with active in correlation genre texts. The dependence of participles lexical and grammatical content upon genre has been established. As a result of the research participles modify their grammatical meaning primarily in novels and memoirs, and non-modify their grammatical meaning in interviews.

Неизменный лингвистический интерес к причастиям обусловлен сложностью грамматической семантики причастий, их коммуникативной емкостью, богатым экспрессивным потенциалом, а также варьированностью их лексико-грамматических характеристик в зависимости от характера контекста и индивидуально-авторских особенностей текста. Особого внимания заслуживают, на наш взгляд, закономерности изменения грамматической семантики причастий в текстах разных жанров, соотношение системных морфологических характеристик причастий и их контекстуально-речевых модификаций.

В исследовании закономерностей *стандартного* и *нестандартного* (см. Волынец 1998, 41) лексико-грамматического содержания причастий, функционирующих в различных по жанру текстах, мы обратились к идиостилю В.В. Набоко-

ва^{**}. Творчество писателя характеризуется обостренным вниманием к языку и возможностям слова. Русскоязычные романы и мемуары В.В. Набокова изобилуют причастиями, причем не только регулярными, но и малоупотребительными причастными формами. О том, насколько значимыми являются для В.В. Набокова причастные формы, свидетельствует не только количественный показатель (предложения могут содержать до 10–12 причастий-словоупотреблений), но и то, что причастия – «книжные» языковые единицы, не характерные для спонтанной устной речи, заключающие в себе, по словам М.В. Ломоносова, «некоторую высокоость», – писатель употребляет и в своих русскоязычных интервью.

Об интервью с В.В. Набоковым следует сказать особо. Этот жанр, как известно, предполагает диалог и непосредственную реакцию на высказывания собеседника. В.В. Набоков же, предпочитавший не говорить экспромтом и называвший себя «скверным оратором» и «беспомощным собеседником» (цит. по: Мельников 2002, 110–111), не только отбирал и часто перефразировал вопросы, но и многократно редактировал свои ответы. Так канонический журналистский жанр, характеризующийся непринужденной разговорностью и с трудом поддающийся художественной метаморфозе, преобразовывался В.В. Набоковым до неузнаваемости (см. Мельников

* *Стандартное* и *нестандартное* лексико-грамматическое содержание причастий эксплицируется в соответствующих предикативных глагольных формах. Стандартное содержание действительных причастий настоящего и прошедшего времени эксплицируется в отношениях типа «*решающий* → *решает*», «*решавший* → *решал*; *решивший* → *решил*»; страдательных причастий настоящего времени – в отношениях типа «*решаемый* (кем) → *решает* (кто)» и «*решаемый* (кем) → *решается* (кем)», страдательных причастий прошедшего времени – в отношениях типа «*решенный* (кем) → *решил* (кто)» и «*решенный* (кем) → *решался* (кем)», причем последние – *стандартные по содержанию* – трансформы страдательных причастий прошедшего времени называются стандартными с определенной долей условности (см. Волынец 1998, 45). При нестандартных трансформациях эксплицируются вторичные (приобретенные под влиянием контекста) значения.

** Нами рассматривались причастия-словоупотребления в романах В.В. Набокова «Машенька», «Защита Лужина», «Подвиг», «Дар», «Лолита», мемуарах «Другие берега» и опубликованных русскоязычных интервью.

2002, 31). Как замечает Н.Г. Мельников, «подняв до невообразимой высоты языковую и стилистическую планку в художественных произведениях, он [В.В. Набоков] не захотел опускать ее и здесь, в рамках маргинального для высокой литературы жанра» (Мельников 2002, 34). Таким образом, наш интерес к русскоязычным интервью с В.В. Набоковым обусловлен, с одной стороны, использованием «книжных» форм – причастий – в «некнижном», а с другой – той «литературной огранкой», которую претерпели спонтанные ответы писателя.

Будучи грамматически и эстетически значимым элементом, причастие не только участвует в конструировании смысла высказывания и текста, но и закономерно подчиняет свое лексико-грамматическое содержание жанрово-стилистическим особенностям текстов. Проведенное нами исследование показало, что причастия, функционирующие в различных по жанру текстах писателя, не только реализуют свои первичные (системообразующие) грамматические значения, но и модифицируют временные, видовые и залоговые значения; используются в контекстах, нейтрализующих противопоставление грамматических значений; приобретают модальные семантические оттенки, перенося обозначаемое ими действие из реальной плоскости в ирреальную. Однако активность процесса сохранения первичных (системообразующих) значений и характерные направления модификации лексико-грамматического содержания причастий по-разному выявляются в зависимости от их разновидностей (действительные/страдательные, настоящего/прошедшего времени) и от особенностей исследуемых жанров. Поскольку выбор объекта изображения определяет выбор тех или иных художественных средств и приемов, воплощающих, в свою очередь, определенные жанровые формы, грамматическая семантика причастий не может не соотноситься с законами жанра.

В романах **действительные причастия настоящего времени**, как правило, модифицируют свое временное значение (выражают значение прошедшего времени), а также активно используются в контекстах, нейтрализующих противопоставление временных значений (настоящего и прошедшего времени). Модификация временного значения связана с тем, что общий план художественного повествования, в частности романного, создается преимущественно формами прошедшего времени, при этом действительные причастия настоящего времени, атрибутивно представляющие процессы и включаемые как добавочные предикаты в формирование повествовательного времени и основной сюжетной линии, называются действия, время осуществления которых соотносится со временем осуществления действий, обозначенных глаголами-сказуемыми.

Погодя Мартын открыл глаза и в потоке солнца увидел Дарвина, лежащего в подушках напротив, в таких же белых фланелевых штанах и открытой рубашке, как и он («Подвиг»). → *Погодя Мартын открыл глаза и в потоке солнца увидел Дарвина, который лежал в подушках напротив, в таких же белых фланелевых штанах и открытой рубашке, как и он.*

Координация временной семантики действительных причастий настоящего времени и глаголов-сказуемых, выражающих значение прошедшего времени, с одной стороны, и способность данных причастий выражать значение настоящего неактуального времени (в силу их более «отвлеченного» характера в сравнении с действительными причастиями прошедшего времени) – с другой, обуславливают возможность эксплицирования грамматического содержания причастий в двух предикативных формах – прошедшего и настоящего времени («*решал/решает*»). Коммуникативная нагрузка действительных причастий настоящего времени осложняется описательно-характеризующей составляющей, вследствие чего процессуальные признаки интерпретируются не только как локализованные во времени, поскольку соотносятся с общим временным фоном контекста, но и как нелокализованные (устойчивые, свойственные предмету или лицу).

*Он был в совершенстве добродушен и вместе с тем непроницаем, он охотно говорил на любую тему [...] но всегда было что-то такое в этих речах, отчего слушатель вдруг спрашивал себя, не измывается ли над ним потихоньку этот сдобный, плотный, опрятный господин с холодными глазами, как бы не **участвующими** в разговоре («Подвиг»).* → *Он был в совершенстве добродушен и вместе с тем непроницаем, он охотно говорил на любую тему [...] но всегда было что-то такое в этих речах, отчего слушатель вдруг спрашивал себя, не измывается ли над ним потихоньку этот сдобный, плотный, опрятный господин с холодными глазами, которые как бы не **участвуют/учествовали** в разговоре.* Усложнение контекстуального содержания действительного причастия настоящего времени в данном случае определяется временной локализацией названного причастием действия и интерпретацией процессуального признака как типичного, свойственного предмету (*'не участвуют в разговоре холодные глаза'*).

В мемуарной книге «Другие берега» действительные причастия настоящего времени чаще всего сохраняют свои прямые (системообразующие) грамматические значения.

*Вижу мать, отдающую мяч в сетку – и **топающую** ножкой в плоской белой туфле («Другие берега»).* → *Вижу мать, которая **отдает** мяч в сетку – и **топает** ножкой в плоской белой туфле.* Предикативные и атрибутивные глаголь-

ные формы настоящего времени позволяют перенести «прошлое» в «настоящее», в момент речи-повествования, приблизить, «оживить» воображаемые или вспоминаемые образы и события, при этом в причастиях актуализируется значение длительности действия, присущее образующим глаголам. Подобные контексты нередки в различных эпических жанрах, однако характерны именно для мемуаров, отличительной особенностью которых является «перцептуальное время, характеризующееся многомерностью и разнонаправленностью» (Милевская 2001, 263).

В интервью же действительные причастия настоящего времени вовсе не модифицируют своих значений, поскольку их коммуникативная нагрузка связана с обозначением устойчивых процессуальных признаков (свойств) или актуальных для момента речи действий-процессов.

Так в алдановском Кременцком¹ во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, живущего сейчас в эмиграции (Интервью Андрею Седых. XI. 1932). → *Так в алдановском Кремен[е]цком во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, который живет сейчас в эмиграции.*

Да, часть перевода сделана моим сыном Дмитрием, недавно кончившим Гарвардский университет и свободно владеющим обоими языками (Интервью радиостанции «Голос Америки». V. 1958). → *Да, часть перевода сделана моим сыном Дмитрием, который недавно кончил Гарвардский университет и свободно владеет обоими языками.*

Действительные причастия прошедшего времени в романах и мемуарах реализуют не только стандартное, но и нестандартное лексико-грамматическое содержание, причем модификация происходит преимущественно в направлении значений вида и времени. В большей мере этому подвержены действительные причастия прошедшего времени совершенного вида.

Из Батова в тарантасах и шарабанах приезжали Набоковы [...] рождественский доктор прикатывал на своих легоньких дрожках [...] и в прохладном вестибюле звучно сморкался и все это упаковывал в платок, и проверял в высоких зеркалах свой белый шелковый галстук милый Василий Мартынович, принесший, в зависимости от сезона, любимые цветы матери или отца [...] («Другие берега»). → *Из Батова в тарантасах и шарабанах приезжали Набоковы [...] рождественский доктор прикатывал на своих легоньких дрожках [...] и в прохладном вестибюле звучно сморкался и все это упаковывал в платок, и проверял в высоких зеркалах свой бе-*

лый шелковый галстук милый Василий Мартынович, который приносил, в зависимости от сезона, любимые цветы матери или отца [...]. В данном случае выбор В.В. Набоковым действительного причастия прошедшего времени совершенного вида представляется не совсем мотивированным: аспектуальные характеристики контекста «прогнозируют» и соответствующую причастную форму со значением не однократного, а регулярно повторяемого действия. Поэтому контекстуальное лексико-грамматическое содержание причастной формы *принесший* раскрывает предикативная форма несовершенного вида *приносил*.

Папиросы он так и не получил, ибо Лужин задумчиво перешел в гостиную, и, глядя с благоговением на его толстый затылок, поэт думал о том, какой это чудесный шахматист, и предвкушал время, когда с отдохнувшим, поправившимся Лужиным можно будет поговорить о шахматах [...] («Защита Лужина»). → *Папиросы он так и не получил, ибо Лужин задумчиво перешел в гостиную, и, глядя с благоговением на его толстый затылок, поэт думал о том, какой это чудесный шахматист, и предвкушал время, когда с Лужиным, который отдохнет, поправится, можно будет поговорить о шахматах [...]*. Наличие в преобразованном контексте глагольных форм будущего времени обусловлено тем, что действия, названные действительными причастиями прошедшего времени, мыслятся как результирующие гипотетические.

В интервью действительные причастия прошедшего времени, как и действительные причастия настоящего времени, последовательно сохраняют свое системное лексико-грамматическое содержание, что отражается в стандартной корреляции причастий и предикативных форм глаголов.

Другим таким писателем был Алданов, кроме своей литературной работы зарабатывавший еще сотрудничеством в «Последних новостях» [...] (Интервью Николаю Аллу. VI. 1940). → *Другим таким писателем был Алданов, который кроме своей литературной работы зарабатывал еще сотрудничеством в «Последних новостях» [...]*.

Но ехали мы без приключений, не считая небольшой паники, поднявшейся на «Шамплене» при виде над поверхностью океана какой-то странной струи пара [...] (Интервью Николаю Аллу. VI. 1940). → *Но ехали мы без приключений, не считая небольшой паники, которая поднялась на «Шамплене» при виде над поверхностью океана какой-то странной струи пара [...]*.

В целом в романах, мемуарах и интервью действительные причастия прошедшего времени реализуют преимущественно стандартное лексико-грамматическое содержание. Связано это, на наш взгляд, с той устойчивостью грамматических значений к влиянию контекста, которой отличается данная причастная подсистема.

¹ При первой публикации данного интервью была допущена опечатка (ошибка): герой романов М. Алданова – не Кременцкий, а Кременецкий.

Типовые глагольные формы, замещающие страдательные причастия настоящего времени

Глагольные формы Решаемый ↓	Произведения		
	«Дар», %	«Лолита», %	«Другие берега», %
<i>Решает</i>	8,33	6,25	5
<i>Решается</i> (стр. зн.)	6,25	2,08	–
<i>Решает/решается</i> (стр. зн.)	14,6	10,42	20
<i>Решал</i>	4,17	18,76	40
<i>Решался</i> (стр. зн.)	8,33	–	5
<i>Решал/решался</i> (стр. зн.)	43,75	45,83	20
<i>Решает/решал</i>	–	–	10
<i>Решает/решается</i> (стр. зн.)/ <i>решал/решался</i> (стр. зн.)	4,17	4,17	–
<i>Решил</i>	–	2,08	–
<i>Решал/решил</i>	2,08	4,17	–
<i>Решается</i> (не стр. зн.)/ <i>решался</i> (не стр. зн.)	2,08	2,08	–
<i>Решался</i> (не стр. зн.)	2,08	–	–
<i>Решал/решался</i> (стр. и не стр. зн.)	2,08	2,08	–
<i>Можно (было) решать</i>	–	2,08	–
<i>Решает/решается</i> (стр. зн.)/ <i>можно решить</i>	2,08	–	–

Страдательные причастия настоящего времени регулярно «приспосабливаются» к жанрово-стилистическим рамкам романов и мемуаров и выражают, как правило, значение прошедшего, а не настоящего времени.

Мне было одиннадцать лет, когда отец решил, что получаемое мною домашнее образование может с пользой пополняться школой («Другие берега»). → *Мне было одиннадцать лет, когда отец решил, что домашнее образование, которое я получал, может с пользой пополняться школой.* Изменение временной семантики причастия обусловлено координацией временных планов предикативной и атрибутивной пропозиций.

Несмотря на то что и в романах, и в мемуарах страдательные причастия настоящего времени преимущественно выражают значение прошедшего времени, при анализе романов «Дар» и «Лолита» нами был установлен значительно более широкий количественный и качественный состав трансформов (предикативных глагольных форм, отражающих особенности контекстуального лексико-грамматического содержания причастий (таблица)). Это объясняется, на наш взгляд, тем, что данные произведения, в отличие от других рассматриваемых нами русскоязычных романов В.В. Набокова, отличаются сложностью жанрово-композиционной организации, объемом и насыщенностью идейно-художественного содержания, разнообразием языковых (как лексических, так и грамматических) способов репрезентации художественного времени. Роман «Дар» сам писатель назвал «лучшим» и «самым ностальгичным» из написанных им русских романов (цит. по: Мельников 2002, 121), а критики констатировали его «уникальный жанрово-тематический симбиоз» (Мельников 2000, 147). Одним из привлекательных свойств романа «Лолита», в котором «археология эмоций» вписана в разветвленную «сетку фабульных координат», Л. Триллинг назвал именно «двусмысленность ее повествовательного тона и общую двусмыслен-

ность ее замысла» (Триллинг 2000, 288–289, 291). Страдательные причастия настоящего времени в рассматриваемых нами русскоязычных интервью не зафиксированы.

Контекстуальное лексико-грамматическое содержание **страдательных причастий прошедшего времени** преимущественно эксплицируется в предикативных формах образующих глаголов: при анализе романов, и мемуаров, и интервью стандартные по форме замены страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида («*решенный* → *решил*») осуществляются наиболее часто.

*Горноцветов без пиджака, в нечистой шелковой рубашке с открытым воротом, сидел на краю постели, настраивал гитару, Бог весть откуда **добытую*** («Машенька»). → *Горноцветов без пиджака, в нечистой шелковой рубашке с открытым воротом, сидел на краю постели, настраивал гитару, которую Бог весть откуда **добыл**.*

Во всех рассматриваемых нами жанрах регулярно наблюдается разрушение залогового значения в содержании страдательных причастий прошедшего времени. Показательно, что контекстуальная утрата значения страдательного залога – явление, характерное для страдательных причастий прошедшего времени, но не страдательных причастий настоящего времени.

*Дарвин, уже **побритый** и **вымытый**, ел яичницу с беконом* («Подвиг»). → *Дарвин, который уже **побрился** и **вымылся**, ел яичницу с беконом.*

В то же время в романах и мемуарах, в отличие от интервью, страдательные причастия прошедшего времени модифицируют, помимо залогового, свои видовые и видо-временные характеристики, а также приобретают модальные семантические оттенки. Например:

*Она ходила в ту зиму в серой шубке, слегка толстившей ее, и в замшевых гетрах, **надетых** прямо на тонкие комнатные башмачки* («Машенька»). → *Она ходила в ту зиму в серой*

шубке, слегка толстившей ее, и в замшевых гетрах, которые надевала прямо на тонкие комнатные башмачки.

*Благополучно добравшись до дому, выпавшись и выйдя утром на увитый глициниями балкон, Мартын пожалел, что не обезоружил пьяного шатуна: **отнятым** револьвером он бы мог загадочно похвастать («Подвиг»). → Благополучно добравшись до дому, выпавшись и выйдя утром на увитый глициниями балкон, Мартын пожалел, что не обезоружил пьяного шатуна: револьвером, который [он] **отнял бы**, он бы мог загадочно похвастать.*

Проведенное нами исследование показало, что в жанрах романа, мемуаров и интервью количественные и качественные показатели сохранения и модификации системного лексико-грамматического содержания действительных и страдательных причастий не совпадают. В интервью – жанре, соотношенном с моментом речи и свободном, как правило, от различных эстетических заданий, от многомерности и неоднозначности, свойственных художественной коммуникации, – системообразующие лексико-грамматические характеристики причастий оказываются достаточно устойчивыми и последовательно раскрываются в стандартных заменах. Изменения же в лексико-грамматической структуре причастий неразрывно

связаны со спецификой художественного текста и особенностями мемуарного жанра. Контекстуальное лексико-грамматическое содержание причастий, функционирующих в мемуарах, и особенно в романах, можно охарактеризовать в целом как «размытое», недифференцированное, что отражается в нестандартных разнонаправленных заменах.

Источники

- Набоков В. В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.
Набоков В. Король, дама, валет. Подвиг. Лолита: Романы. Мн., 1992.
Мельников Н. Г. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002.

ЛИТЕРАТУРА

- Волынец Т. Н. Грамматический феномен причастия. Мн., 1998.
Милевская Т. Е. Можно ли говорить о мемуарном жанре // Русский язык: исторические судьбы и современность: Тр. и материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г. М., 2001. С. 262–263.
Триллинг Л. Последний любовник («Лолита» Владимира Набокова) // Мельников Н. Г., Коростелев О. А. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. М., 2000. С. 280–291.

Поступила в редакцию 19.01.10.

Наталья Николаевна Скворцова – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики.